

23 СЕН 1971

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕТ

г. МОСКВА

Отсюда, с Каменного моста, Кремль, как на старинной гравюре, — чуть вздыбленный на холме, ясный и четкий, словно обведен острым графитом. Весело золотятся купола.

Высокий худощавый парень на мосту обернулся и еще раз взглянул на своего незнакомого знакомого. К нему подбежала девушка и протянула букет гвоздик: «Это вам, Дин Рид!». Он улыбнулся ей, а прохожие — ему, повзрослевшему, похудевшему, с копной подстриженных не по моде волос, так непохожему на эстрадного певца.

Десять лет назад известному американскому певцу и актеру пришлось покинуть родину. Его занесли в «черный список». С ним разрывали договоры. Телестудии и кинокомпании не заключали новых контрактов.

Дин Рид покинул Соединенные Штаты. Он много путешествовал. Только за последние годы гастролировал в 16 странах. Несколько месяцев Дин Рид провел в Чили, где выступал перед горячками и лесорубами. Все деньги, полученные за эти концерты, он передал в фонд помощи правительству Народного единства Чили.

Сейчас Дин Рид снова в Москве.

...В зале он появился неожиданно. Бросил на стол портфель, сгреб в охапку дирижера оркестра Олега Шимановского. Потом перецеловал всех оркестрантов.

— Они все мои друзья, — заметил мне Дин Рид. — Мы подружились еще шесть лет назад во время моих гастролей в Советском Союзе. И я счастлив, что снова в Москве.

Он сидит на краю сцены, по-мальчишески свесив ноги. Сейчас Рид мало похож на своих давних техасских киногероев, скорее — на

французских собравший, обаятельный, порывистый. Выглядит он моложе своих тридцати трех.

Послезавтра состоится его первый концерт в Москве. А пока идет репетиция. Поблескивают трубы оркестра, листает партитуру дирижер, настраиваются на песенный лад инструменты. Скинув пиджак, с микрофоном в руке Дин стоит перед оркестром. Репетирует он импульсивно, темпераментно. То почти не поет, а как-то бормочет, пробует. Поминутно делая пометки карандашом в нотах, пританцовывает в такт музыке.

Заметив какую-то ритмическую погрешность, он откладывает микрофон в сторону и подходит к ударнику. Напевает ему, пытается объяснить и даже отстучать на барабане. До тех пор, пока ритм не найден.

И снова Дин пробует, ищет, напевает почти неслышно. И вдруг голос его перекрывает оркестр, наполняет собою зал — сильный, радостный, «ридовский».

Хотя Рид пел по-английски, было понятно, что он поет о мире, свободе, счастье... И только одну песню, советскую — «Пусть всегда будет солнце», он спел по-русски.

В его репертуаре 20 новых песен, пять из них написаны им самим.

— Все мои песни — это песни любви. Я люблю людей. А любить — значит бороться против несправедливости. Потому мои песни протеста — это тоже песни любви.

На прощание Дин Рид подарил свою фотографию. На ней слова: «Читателям «Московского комсомольца». Отдавайте все свои силы борьбе за мир и независимость всех людей».

Н. БАТАЕН.

Дин РИД:

Я СЧАСТЛИВ,

ЧТО СНОВА

В МОСКВЕ!



Отсюда, с Каменного моста, Кремль, как на старинной гравюре, — чуть vzdыбленный на холме, ясный и четкий, словно обведен острым графитом. Весело золотятся купола.

Высокий худощавый парень на мосту обернулся и еще раз взглянул на своего незнакомого знакомого. К нему подбежала девушка и протянула букет гвоздик: «Это вам, Дин Рид!». Он улыбнулся ей, а прохожие — ему, повзрослевшему, похудевшему, с копной подстриженных не по моде волос, так непохожему на эстрадного певца.

Десять лет назад известному американскому певцу и актеру пришлось покинуть родину. Его занесли в «черный список». С ним разрывали договоры. Телестудии и кинокомпании не заключали новых контрактов.

Дин Рид покинул Соединенные Штаты. Он много путешествовал. Только за последние годы гастролеровал в 16 странах. Несколько месяцев Дин Рид провел в Чили, где выступал перед горняками и лесорубами. Все деньги, полученные за эти концерты, он передал в фонд помощи правительству Народного единства Чили.

Сейчас Дин Рид снова в Москве.

...В зале он появился неожиданно. Бросил на стол портфель, сгреб в охапку дирижера оркестра Олега Шимановского. Потом целовал всех оркестрантов.

— Они все мои друзья, — заметил мне Дин Рид. — Мы подружились еще шесть лет назад во время моих гастролей в Советском Союзе. И я счастлив, что снова в Москве.

Он сидит на краю сцены, по-мальчишески свесив ноги. Сейчас Рид мало похож на своих давних техасских киногероев, скорее — на

французских: собранный, обаятельный, порывистый. Выглядит он моложе своих тридцати трех.

Послезавтра состоится его первый концерт в Москве. А пока идет репетиция. Поблескивают трубы оркестра, листает партитуру дирижер, настраиваются на песенный лад инструменты. Скинув пиджак, с микрофоном в руке Дин стоит перед оркестром. Репетирует он импульсивно, темпераментно. То почти не поет, а как-то бормочет, пробует. Поминутно делая пометки карандашом в нотах, пританцовывает в такт музыке.

Заметив какую-то ритмическую погрешность, он откладывает микрофон в сторону и подходит к ударнику. Напевает ему, пытается объяснить и даже отстучать на барабане. До тех пор, пока ритм не найден.

И снова Дин пробует, ищет, напевает почти неслышно. И вдруг голос его перекрывает оркестр, наполняет собою зал — сильный, радостный, «ридовский».

Хотя Рид пел по-английски, было понятно, что он поет о мире, свободе, счастье... И только одну песню, советскую — «Пусть всегда будет солнце», он спел по-русски.

В его репертуаре 20 новых песен, пять из них написаны им самим.

— Все мои песни — это песни любви. Я люблю людей. А любить — значит бороться против несправедливости. Потому мои песни протеста — это тоже песни любви.

На прощание Дин Рид подарил свою фотографию. На ней слова: «Читателям «Московского комсомольца». Отдавайте все свои силы борьбе за мир и независимость всех людей».

Н. БАТАЕН.

Дин РИД:

Я СЧАСТЛИВ, ЧТО СНОВА В МОСКВЕ!

